

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ ПАТРИАРХА НИКОНА НА СТРОИТЕЛЬСТВО ШАТРОВЫХ ХРАМОВ

С. В. Заграевский

Российская академия художеств, Москва, Россия
zagraevsky@mail.ru

Статья посвящена разбору вопроса об одном из эпизодов истории отечественного храмостроения – о запрете, наложенном патриархом Никоном на строительство шатровых церквей, игравших важнейшую роль в семиотической структуре и эстетическом оформлении пространства русских городов и монастырей. В последние годы ряд исследователей ставит под сомнение сам факт запрета патриарха Никона на строительство шатровых храмов в середине 1650-х годов. Проанализировав все аргументы «за» и «против», я показываю, что такой запрет действительно имел место, и анализирую причины этого запрета. Во-первых, со стороны патриарха имела место своеобразная «монополия» на шатёр, так как Никон, запретив другим храмоздателям строить шатры, сам решил возвести шатровую ротонду в Новом Иерусалиме. Во-вторых, патриарх, обязанный заботиться о материальной стороне церковной жизни, считал шатровое зодчество слишком затратным, технологически сложным и неэффективным с точки зрения вместимости храмов. В-третьих, шатровые завершения не удовлетворяли Никона по каким-либо личным (например, эстетическим) причинам. В статье представлена также статистика строительства храмов с шатровым завершением: с 1513 года по начало XVII века были построены около 30–35 таких храмов; примерно в том же количестве – с конца 1620-х до середины 1650-х годов. С этого времени такое строительство было прекращено на несколько десятилетий именно из-за запрета патриарха Никона.

Ключевые слова: Россия, архитектура, шатровый храм, патриарх Никон.

TO THE QUESTION OF PATRIARCH NIKON'S PROHIBITION FOR HIPPED-ROOF TEMPLES CONSTRUCTION

Sergey Zagraevsky

The Russian Academy of Arts, Moscow, Russia
zagraevsky@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the issue of one episode of the history of Russian temples construction – of the prohibition imposed by Patriarch Nikon on the construction of hipped-roof temples, which played an important role in the semiotic structure and aesthetic design of the space of Russian cities and monasteries. In the last years some researchers question

the fact that Patriarch Nikon's prohibition for hipped-roof temples construction in the middle of the 1650s took place. After analyzing all arguments "pro" and "contra", I show that this prohibition actually took place, and its reasons were as follows. Firstly, the Patriarch took some kind of "monopoly" for such roofs, having decided to erect a tent-roofed rotunda in his New Jerusalem. Secondly, the Patriarch was obliged to take care of the financial and material sides of Church life, and hipped roofs were too expensive, technologically complicated and inefficient from the point of view of temples capacity. Thirdly, hipped roofs did not satisfy Nikon by personal (e. g., aesthetic) reasons. There is also the statistics of hipped-roof temples construction in the article: since 1513 until the beginning of the XVII century about 30–35 such temples were built, and approximately the same quantity – since the late 1620s until the mid of 1650s. Then such construction was stopped due to Nikon's prohibition for some decades.

Keywords: Russia, architecture, hipped-roof temple, patriarch Nikon.

DOI 10.23951/2312-7899-2017-3-33-44

Факт запрета патриарха Никона на строительство шатровых храмов (то есть храмов с шатрами над наосами – основными объёмами) в середине 1650-х годов казался до последнего времени общеизвестным и не подлежащим сомнению. Впервые на него обратили внимание ещё исследователи, жившие в XIX веке, например, Н. В. Покровский [Покровский 1885, 33] и Н. В. Султанов [Султанов 1887, 67]. Этот факт был принят и М. А. Ильиным, чья позиция нашла выражение и в капитальном издании «История русского искусства» конца 1950-х – начала 1960-х годов [Ильин 1959, 162]. В качестве обоснования этого факта приводились тексты ряда храмозданных грамот, прежде всего – нижеследующей: «Строить храмы по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правило и устав церковный повелевают, строить о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить» [цит. по: Ильин 1959, 162].

Причинами этого запрета большинство исследователей XIX – середины XX века считало «неканоничность» шатра [Ильин 1959, 162]. Но считать какую-либо архитектурную форму «неканоничной» можно только в том случае, если известен сам канон, которому та или иная форма может соответствовать или не соответствовать. А если не известны ни канон, ни какие-либо соответствующие указания упомянутых в храмозданных грамотах «правила и устава церковного» (никто из исследователей не приводил таких канонов, правил

или уставов), то и «неканоничность» как причина столь глобального запрета на целую ветвь русской архитектуры видится сомнительной.

Не менее сомнительной видится и причина, о которой писал М. А. Ильин, – что «церковь видела в этой архитектурной форме выражение светского, “мирского” начала, которое всё сильнее давало себя знать в архитектуре строившихся храмов. Церковь в лице патриарха Никона решила начать борьбу с “обмирщением” архитектуры храмов» [Ильин 1970]. Вряд ли, например, формы архитектурного комплекса, построенного патриархом в «своём» Новоиерусалимском монастыре, могут кому-либо показаться менее «мирскими», т. е. менее пышными и более аскетичными, чем, например, формы церкви Вознесения в Коломенском или Покрова в Медведкове.

В связи с неясностью причин запрета на шатровое строительство неудивительно, что у современных исследователей сомнения стал вызывать и сам факт такого запрета.

Впервые такие сомнения высказала И. Л. Бусева-Давыдова, писавшая о «так называемом» запрете Никона и полагавшая, что этот запрет, если и был, то имел «частный», «избирательный» характер, то есть патриарх хотел не запретить шатры, а лишь ограничить их количество [Бусева-Давыдова 2004]. Позицию И. Л. Бусевой-Давыдовой поддержала Русская Православная Церковь¹, для которой неотменённый запрет патриарха Никона создаёт определённую каноническую помеху при строительстве многочисленных современных шатровых храмов.

Д. Ф. Полознев в своей статье с назидательным названием «Патриарх Никон шатровых храмов не запрещал, или Ещё раз о пользе обращения к источникам», основываясь на анализе храмозданных грамот Никона, писал: «Патриарх Никон не издавал никакого указа о запрете шатров. Его благословенные грамоты относились к конкретным храмам и всего лишь предписывали устраивать на них или на их приделах круглые главы... А столь полюбившаяся учёной публике цитата («о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить» – С. 3.) представляет собой позднюю искажённую компиляцию первоначальной никоновской грамоты... Архитектура храмов определялась традициями данной местности, вкусами, опытом и предпочтениями прихожан и указаниями архиерея» [Полознев 2008].

Нет никакого сомнения, что к источникам обращаться не только полезно, но и необходимо, и вряд ли кому-либо из исследователей

¹ См., например, официальное издание РПЦ «Патриарх Никон – зодчий Святой Руси» (Москва, 2011).

имеет смысл об этом напоминать, тем более в заглавии научного труда. Но прежде всего требуется анализировать исходные данные, которыми в данном случае являются сами факты строительства шатровых храмов.

Представим себе, что ни одной храмовданной грамотой, прямо или косвенно говорящей о запрете Никоном шатровых храмов, мы не располагаем. Можем ли мы сделать вывод о таком запрете, просто взглянув на историю древнерусского каменного шатрового зодчества?

Поскольку наиболее известные широкой публике шедевры шатрового зодчества (церковь Вознесения в Коломенском, Покровский собор на Рву, церковь Преображения в Острове) были построены в XVI веке, многие полагают, что расцвет шатрового зодчества пришёлся на этот век, а в течение XVII века такое зодчество уже как бы само по себе шло на спад, и запрет Никона, если и имел место, то, по большому счёту, мало что мог изменить. Для того чтобы понять, что на самом деле всё было иначе, нам придётся по возможности перечислить каменные шатровые храмы, имеющие хотя бы ориентировочную дату.

В XVI веке были построены: Троицкая, ныне Покровская, церковь в Александровской слободе (около 1513 года [Заграевский 2014]), церковь Вознесения в Коломенском (1529–1532), Успенский собор Брусенского монастыря в Коломне (1552), церковь Николая Чудотворца Покровского монастыря в Балахне (1552), Покровский собор на Рву (1554–1560), собор Спаса Преображения Воротынского монастыря близ Калуги (1550-е), Борисоглебский собор в Старице (1558–1561), церковь Космы и Дамиана в Муроме (1564), церковь Николая Чудотворца «Долгошея» в Рязани (1566), церковь Никиты Мученика в Елизарове (1566–1567), Распятская церковь «иже под колоколы» в Александрове (1570), Введенская церковь Успенского монастыря в Старице (1570), церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи на Девичьем Поле (около 1570), церковь Николая Чудотворца (Гостинодворская) в Казани (около 1570), Успенская церковь Спасо-Евфимиева монастыря (1570-е), Благовещенская церковь Троице-Лютикова монастыря (1570-е), Воскресенская церковь в Городне (до 1578), церковь Ильи Пророка в Пруссах (до 1578), церковь Петра Митрополита в Переславле-Залесском (1585), церковь Спаса Преображения в Спас-Тушине (1586–1587), церковь Рождества Христова в Беседах (около 1590), Введенская церковь Троицкого Болдина монастыря (1592), Богоявленская церковь в Красном-на-Волге (1592), церковь Смоленской иконы Богоматери в Кушалине (1594–1597), церковь Святого Георгия Владычного монастыря в Серпухове (1598–

1606), церковь Бориса и Глеба в Борисовом Городке (рубеж XVI–XVII веков), церковь Преображения в Острове (рубеж XVI–XVII веков [Кавельмахер 2009]).

Всего мы перечислили 27 храмов. Поскольку по разным причинам этот список не является исчерпывающим, то мы вправе считать, что с 1513 года до начала XVII века шатровых храмов было построено примерно 30–35.

А начиная с конца 1620-х годов и до середины 1650-х были построены (не считая многочисленных шатров над приделами): Успенская «Дивная» церковь Алексеевского монастыря в Угличе (конец 1620-х или 1630-е годы), собор Михаила Архангела в Нижнем Новгороде (1628–1631), собор Алексия Человека Божьего в московском Алексеевском монастыре (1631–1634), церковь Зосимы и Савватия Соловецких в Троице-Сергиевой Лавре (1635–1638), церковь Покрова в Медведкове (1635–1640), церковь Трёх Святителей «иже под колоколы» Антониева Сийского монастыря (1639–1661), церковь Мартириана Белозерского в Ферапонтовом монастыре (1640–1641), церковь Сошествия Святого Духа в Рязани (1642), Благовещенская церковь Антониева Сийского монастыря (1642–1643), церковь Троицы в Троицком-Голенищеве (1644–1646), церковь Успения в Вешняках (1644–1646), Успенская церковь Нижегородского Печерского монастыря (1640-е), церковь Евфимия Суздальского Нижегородского Печерского монастыря (1640-е), церковь Николая Чудотворца в Сапожке (конец 1640-х), церковь Похвалы Богородицы в Туле (конец 1640-х), Казанская церковь Троицкого монастыря в Муроме (1648–1652), церковь Воскресения Христова в Гончарах (1649), Святые Ворота с церквями Богоявления и Ферапонта Белозерского в Ферапонтовом монастыре (1649), церковь Рождества Богородицы в Путинках (1649–1652), Входаиерусалимский собор Иоанно-Предтеченского монастыря в Казани (начало 1650-х), Введенская церковь Воротынского монастыря (начало 1650-х), Троицкая церковь Саввино-Сторожевского монастыря (начало 1650-х), Успенская церковь Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде (начало 1650-х), Смоленская церковь в Иоанно-Предтеченском монастыре в Вязьме (около 1652), церковь Сергия Радонежского Николо-Волосовского монастыря (около 1652), церковь Евфимия Суздальского Кирилло-Белозерского монастыря (1653), церковь Спаса Преображения «иже под колоколы» Благовещенского монастыря в Киржаче (до 1656).

Мы видим столько же храмов (27, а поскольку и этот список не является исчерпывающим, то ориентировочно 30–35), только построенных в гораздо более коротком временном промежутке – менее 30

лет. Причём в течение последнего десятилетия – с середины 1640-х до середины 1650-х – были построены примерно две трети этих храмов.

После середины 1650-х годов в течение двадцати лет шатровые храмы практически не строились. Затем они вновь стали появляться, но несравненно реже. С середины 1670-х годов до конца XVII века были построены всего 5 таких храмов: церковь Владимирской Иконы Богоматери на Божедомке в Ярославле (до 1678), Троицкая церковь в Александровой пустыни (до 1678), Никольская церковь в Петровском-Лыткарине (1681–1690), Знаменская церковь в Аннинне (до 1690), церковь Ильи Пророка «иже под колоколы» в Тейкове (1694–1699). Иногда шатры возводились над приделами (как в церкви Николы Мокрого 1665–1672 годов в Ярославле), но такие шатры можно отнести к шатровому зодчеству лишь условно.

Уникальный шатёр над часовней Гроба Господня в основанном Никоном в 1656 году Новоиерусалимском монастыре был построен уже после смерти Никона – не ранее начала 1680-х годов, но он не является феноменом шатрового зодчества, так как им не был перекрыт основной объём храма, и воспроизведение именно шатра было продиктовано задачей «творческого копирования» иерусалимского образца.

Итак, мы видим, что в период с середины 1640-х до середины 1650-х шатровое зодчество пережило подлинный период своего расцвета (столько шатровых храмов не было построено ни в одно предыдущее десятилетие), и вдруг в течение года – двух фактически прекратилось по всей стране. А эпизодическое возобновление шатрового строительства двадцать лет спустя принадлежит уже другой эпохе.

И этот сугубо статистический факт является прямым и основным доказательством того, что в середине 1650-х годов имел место именно запрет на строительство шатровых храмов, так как столь резкое прекращение воспроизведения столь значимой для древнерусского зодчества XVI–XVII веков архитектурной формы, как шатёр над наосом, не может быть объяснено никакими другими факторами – ни сменой «архитектурной моды», ни техническими, финансовыми либо кадровыми проблемами.

А поскольку такое строительство прекратилось не в каком-либо регионе, а по всей стране, то и запрет мог исходить только «с самого верха», т. е. от патриарха Никона. Он мог быть выражен в форме не официального указа, а устного указания или даже повторяющегося отказа благословлять строительство шатровых храмов, но сути это не меняет.

* * *

Собственно, на этом можно было бы перейти к исследованию возможных причин патриаршего запрета, но всё же имеет смысл привести и ряд дополнительных доказательств этого запрета.

Во-первых, необходимо вспомнить уже упомянутые храмозданные грамоты с запретом строить шатровые храмы. Их до наших времён дошло большое количество (только в сборниках документов по истории Вятской епархии запрет строить шатровый верх встречается в храмозданных грамотах 1655–1703 годов не менее 20 раз). Д. Ф. Полознев отрицал факт запрета Никона на основании того, что, во-первых, в указанный период выдавались и грамоты без запретов на шатры, а во-вторых, многочисленные грамоты с запретами восходят всего к трём основным образцам [Полознев 2008]. Но мы помним, что храмозданные грамоты являются не основным, а дополнительным доказательством патриаршего запрета (основное – прекращение шатрового строительства), и даже одной «запретительной» грамоты было бы достаточно для подтверждения факта запрета. А таких грамот существуют десятки. В условиях жёсткой иерархической структуры Русской Православной Церкви без патриаршего благословения столь явно и однозначно выраженные запреты на шатровое строительство в столь многочисленных храмозданных грамотах появиться не могли.

Во-вторых, по наблюдению П. Н. Максимова, с середины XVII века в средней полосе России деревянные шатровые церкви уступили место ярусным и церквям «на каменное дело» (т. е. таким, форма которых повторяла каменные храмы, обычно кубические с одной или пятью главами на четырёхскатной крыше), и лишь на Русском Севере деревянные шатровые церкви по-прежнему строились в большом количестве [Максимов 1959, 102]. А поскольку из дерева гораздо проще построить шатёр, чем купол или главу сложной формы (для каркаса шатра достаточно свести в верхней точке несколько брёвен, а для каркасов других форм завершений храмов требуются изогнутые или наборные отрезки дерева), то отказ от деревянных шатров абсолютно неоправдан со строительной точки зрения и может объясняться лишь какими-либо «внестроительными» запретами.

В-третьих, когда в 1655 году было решено возвести два придела у построенной в 1646 году шатровой церкви Успения в Вешняках, то Никон в храмозданной грамоте повелед, чтобы «главы б на тех приделах были круглые, а не островерхие» [цит. по: Ильин 1970]. Это ещё одно подтверждение того, что отношение патриарха

к шатровому зодчеству между 1646 и 1655 годами коренным образом изменилось.

В-четвёртых, когда в середине 1650-х годов строительство шатров над наосами столь резко прекратилось, шатровые колокольни (не храмы «иже под колоколы», а именно колокольни без собственных посвящений) как строились, так и продолжали строиться, причём в больших количествах. Следовательно, дело было не в технологической сложности возведения шатров или нежелании ктиторов и зодчих строить шатры как таковые (в Суздальской епархии в XVIII веке над колокольнями появились даже шатры изысканной «дудочной» формы), а именно в запрете шатров над наосами.

В-пятых, Г. В. Алфёрова, анализируя документы, относящиеся к строительной деятельности патриарха Никона, показывала, что его указания мастерам были столь подробны, что его можно с полным правом считать зодчим, как минимум, трёх построенных им монастырей: Воскресенского Новоиерусалимского, Иверского Валдайского и Крестного Кийского [Алфёрова 1969]. А поскольку Никон столь внимательно и профессионально относился к архитектуре, то такой значимый и глобальный запрет на шатровые храмы, фактически оборвавший целую ветвь древнерусского зодчества, никак не мог быть принят помимо патриарха.

В-шестых, запрет главы Русской Православной Церкви на ту или иную архитектурную форму в середине 1650-х годов беспрецедентным не был. Например, в начале XIV века имел место церковный запрет на романо-готический зооантропоморфный (т. е. с изображениями людей и животных) скульптурный декор храмов [Заграевский 2001, гл. 6]. На заре каменного древнерусского зодчества имел место и запрет церкви на «некупольные» храмы, т. е. требовалось обязательное устройство в каменных православных храмах купола [Заграевский 2015, гл. 3].

Аналогия с другими церковными запретами позволяет понять, почему строительство шатровых храмов после середины 1650-х годов всё же возродилось, хотя и двадцать лет спустя, и в малых количествах. Не полностью выполнялись, а то и игнорировались и другие запреты – например, в начале XVI века зодчие и ктитору обошли запрет на «некупольные» храмы, начав возводить шатры, являвшиеся типологическими аналогами куполов [Заграевский 2015, гл. 8]. Запрет на зооантропоморфный скульптурный декор тоже постоянно нарушался, и, пожалуй, наиболее глобальным нарушением стал расцвет российской барочной храмовой скульптуры в XVIII веке – при том, что Большой Московский собор 1666 года постановил, что

в храмах резными могут быть только распятия [Деяния 1893, гл. 43], а в 1722 году Синод запретил «иметь в церквах иконы резные или истесанные, издолбленные, изваянные». А в 1832 году был принят, но так и не начал повсеместно выполняться полный запрет Синода на храмовую скульптуру [Указы 1878].

Учитывая то, что Никон в 1666 году был лишён патриаршего сана и отправлен в ссылку, эпизодические нарушения его запрета на шатровое строительство в 1670-х годах абсолютно закономерны. Закономерно и продолжение строительства деревянных шатров на Русском Севере, где, как говорится, «до Бога высоко, до царя далеко», а из дерева шатёр, как мы уже говорили, несравненно проще построить, чем купол.

В-седьмых, масштабная реформаторская деятельность Никона началась в 1653–1654 годах, и последовавший примерно через год запрет на шатровое строительство полностью укладывается в её рамки.

* * *

Теперь мы можем перейти к последнему вопросу нашего исследования: почему Никон запретил шатровые храмы?

Формальной причиной, вероятно, стала «неканоничность» шатра, о которой говорили практически все исследователи, так как это было вполне естественным обоснованием любого патриаршего запрета. Но в чём могла состоять эта «неканоничность», никто из исследователей не уточнял, и это неудивительно: как показывали и И. Л. Бусева-Давыдова [Бусева-Давыдова 1989], и автор данной статьи [Заграевский 2016], никаких церковных канонов, правил и уставов, относящихся к архитектурным особенностям храмов, в древнерусском каменном храмовом зодчестве не существовало, и слова храмозданных грамот о том, что требуется «строить храмы по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правило и устав церковный повелевают», являлись не более чем формальностью. К тому же запрет, исходящий от патриарха Никона, в условиях созданной им жёсткой централизации Русской Православной Церкви (достаточно вспомнить один из титулов Никона – «Великий Господин и Государь») в те времена вполне мог быть приравнен и к уставу, и к правилу.

Мы полагаем, что «неканоничность» шатра состояла в следующем: поскольку, как мы уже упоминали выше, купол в древнерусском

храмовом каменном зодчестве был обязательным элементом [Загравский 2015, гл. 3], начавшаяся в XVI веке повсеместная замена купола шатром не могла не вызывать нареканий церковных иерархов. Следовательно, при желании любой из них мог шатёр запретить, что в конце концов и сделал Никон.

А почему такое желание возникло именно у Никона – тут возможны варианты.

Вариант первый: со стороны патриарха имела место своеобразная «монополия» на шатёр, так как Никон, запретив другим храмоздателям строить шатры, сам решил возвести шатровую ротонду в Новом Иерусалиме. (Формально, как мы уже говорили, эта ротонда не нарушала запрет, так как не имела собственного церковного посвящения.)

Вариант второй: патриарх, обязанный заботиться и о материальной стороне церковной жизни, считал шатровое зодчество слишком затратным, технологически сложным и неэффективным с точки зрения вместимости храмов. Действительно, из камня купол построить гораздо проще, чем шатёр, и куполом можно перекрыть гораздо больший пролёт. Дело в том, что каменный шатёр обладает практически таким же распором, как купол, и добиться равномерности распора при большой высоте шатра (условно говоря, чтобы середина не «просела») – сложнейшая инженерная задача.

Вариант третий: шатры не устраивали Никона по сутибо личным (например, эстетическим) соображениям. Патриарх ведь был родом из Новгорода, где шатровое зодчество распространено не было, и шатры могли быть для него непривычными и чуждыми.

В заключение отметим, что во второй половине XVII века поиск новых форм завершений храмов взамен шатровой – запрещённой – продолжался. И как в начале XVI века шатёр оказался заменой купола, так и после патриаршего запрета купол, уже в новых условиях, оказался заменой шатра. Шатёр (и, соответственно, заменивший его купол) на большом и высоком барабане создавал ощущение высотности и торжественности, а наиболее оптимальной формой основного объёма с точки зрения вместительности и простоты возведения был четверик. Получившаяся в итоге форма «восьмерик на четверике» стала одной из наиболее массовых в русской архитектуре конца XVII – XVIII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алферова 1969 – *Алферова Г. В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // *Архитектурное наследство.* № 18. Москва, 1969. С. 30–44.
- Бусева-Давыдова 1989 – *Бусева-Давыдова И. Л.* Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI–XVII вв. // *Герменевтика древнерусской литературы XVI – нач. XVIII в.* Москва, 1989. С. 279–308.
- Бусева-Давыдова 2004 – *Бусева-Давыдова И. Л.* О так называемом запрете шатровых храмов Патриархом Никоном // *Труды Государственного исторического музея.* 2004. Вып. 139. С. 317–323.
- Деяния 1893 – *Деяния Московских соборов 1666–1667 гг.* Москва, 1893.
- Заграевский 2001 – *Заграевский С. В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. Москва, 2001.
- Заграевский 2014 – *Заграевский С. В.* Троицкая, ныне Покровская, церковь в Александровской Слободе – первый каменный шатровый храм Древней Руси. Новые исследования. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusarch.ru/zagraevsky41.htm> (дата обращения: 18.06.2017).
- Заграевский 2015 – *Заграевский С. В.* Типологическое формирование и базовая классификация древнерусского церковного зодчества. Saarbrücken, 2015.
- Заграевский 2016 – *Заграевский С. В.* Методологические проблемы изучения канона, символики и пропорций в православной храмовой архитектуре. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusarch.ru/zagraevsky48.htm> (дата обращения: 19.06.2017).
- Ильин 1959 – *Ильин М. А.* Каменное зодчество третьей четверти XVII века // *История русского искусства.* Т. 4. Москва, 1959. С. 153–216.
- Ильин 1970 – *Ильин М. А.* Москва. Москва, 1970.
- Кавельмахер 2009 – *Кавельмахер В. В.* Церковь Преображения в Острове. Москва, 2009.
- Максимов 1959 – *Максимов П. Н.* Деревянная архитектура XVII века // *История русского искусства.* Т. 4. Москва, 1959. С. 91–120.
- Покровский 1885 – *Покровский Н. В.* Древности костромского Ипатьевского монастыря // *Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.* Вып. 4. Санкт-Петербург, 1885. С. 1–34.
- Полознев 2008 – *Полознев Д. Ф.* Патриарх Никон шатровых храмов не запрещал, или Ещё раз о пользе обращения к источникам //

- История и культура Ростовской земли. Материалы конференции. 2007 г. Ростов, 2008. С. 6–27.
- Султанов 1887 – Султанов Н. В. Русские шатровые церкви и их отношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям // Зодчий. 1887. № 9–10. С. 66–71.
- Указы 1878 – Указы Святейшего правительствующего Синода с 1721 по 1878 гг. // Руководство для православного духовенства. Москва, 1878.

Материал поступил в редакцию 05.07.2017